

23 февраля—День Советской Армии и Военно-Морского Флота

За столом, где собиралась обычно вся семья, сидят сейчас только двое. Лидия Васильевна и Яков Васильевич Большаковы.

Родители вспоминают своего сына.

Может быть, то, как он шагнул первый раз г. половицам? Как волновались они, когда он впервые топор в руки взял — не обрубился бы, впервые на велосипеде поехав, — не разбился бы? Как радовались, когда первый раз сын взрослое суждение высказал? Как в армию провожали? Может казнят себя за то, что когда-то давно обидели его ненапрасну?

Не будем мешать их мыслям. Поклонимся их родительской любви, их нескончаемой скорби,

лагают. (последних два снимка публикуются сегодня на второй странице газеты).

Может быть, то, как он шагнул первый раз г. половицам? Как волновались они, когда он впервые топор в руки взял — не обрубился бы, впервые на велосипеде поехав, — не разбился бы? Как радовались, когда первый раз сын взрослое суждение высказал? Как в армию провожали? Может казнят себя за то, что когда-то давно обидели его ненапрасну?

Поклонимся и скажем спасибо родителям за то, что вырастили они достойного сына, который, избрав военную профессию, до конца выполнил свой солдатский долг.

Ибо что может быть горше чувства родителей, которым пришлось хоронить своих...?

А год назад, 16 февраля, центральные газеты шли с крупными заголовками на первых полосах: «Вывод советских войск из Афганистана полностью завершен.»

На следующий день было опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, в котором мы читали: «Родина мать... склоняет голову перед памятью павших, скорбит вместе с их близкими, родными, друзьями. В памяти советского народа навечно останутся подвиги и имена... Наш священный долг окружить неустанный заботой и вниманием семьи погибших, инвалидов и раненых.»

... На замыкавшем последнюю колонну советских войск БТРе по мосту через Амударью, связывающему нашу страну и Афганистан проехал командующий армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Громов.

За пять лет до этого события прaporshik Большаков пересек границу Родины в «черном парашюте», выполнивший скорбную миссию по доставке тел погибших в Афганистане...

... Снимки остались, письма да награды посмертные в шкафу.

(окончание на 2 стр.)

(Окончание. Начало на 1 стр.).

Последний раз он был в родительском доме осенью 1982 года.

Матери врезалось в сердце прощание перед отъездом. Прежде, чем сесть в машину, обнял крепко прижал к себе, даже ноги ее, вспоминает, от земли оторвались, целовал и говорил:

— Мама, приезжай к нам в Вознесенск. На севере у нас ты не была, а в Вознесенск приезжай. Обязательно приезжай.

Неужели сердце чуяло, что не увидятся они больше?

ДЕРЕВНЯ Долматово. Емельяньевского сельсовета.

Обычная деревня российского Нечерноземья, в которую до недавнего времени и добраться было непросто. Сычная семья Большаковых.

Яков Васильевич в Великую Отечественную дошел до Берлина, потом с боевыми товарищами на Дальний Восток был направлен, но пришел их воинский эшелон в Свердловск, и там узнали они весть о том, что война с Японией закончилась.

Лидия Васильевна в эти годы трактористкой была, больше всех в районе среди женщин-механизаторов на пару с сестрой пашни поднимали. На северном комбайне четыре года хлеба убирали. А потом в том же колхозе и дояркой работала, и свиняркой, овец кормила, в полеводстве трудилась.

Бабушка. Шестеро детей. Вася — третий из них. В таких семьях первой заповедью бывает: жить дружно и работать, не лениться. И у Большаковых так было. Никто из ребят в детстве ничем особенным не выделялся. По дому помогали, за младшими присматривали. Летом в Югу, что неподалеку от деревни протекает, купались. В лес ходили. В хороший год столько грибов домой приносили, что мать порой, ругалась даже: «Куда с ними? Надоели сушить!» «А мы сами» — следовал ребячий ответ.

Вот только бабушка из всех ребят с самого раннего возраста почему-то именно Васю выделяла.

— Катерина, — спрашивали ее, — чего это ты Ваську-то больше всех голубишь? Во, у тебя сколько внуков-то еще!

— Добрый он у меня растет. Люблю его, — отвечала.

Потом, когда она заболела, именно Вася ухаживал за ней особенно внимательно: с кровати поднимет, к столу обеденно-му дойти поможет. И назад то же он. Вася любимый Катеринин внук.

— КАК сейчас его вижу: сидит за последней партой у окна. Один из самых высоких в классе, — вспоминает его классный руководитель Валентина Ивановна Гоглева, учитель Емельяновской школы, — всегда спокойный, выдержаный, веселый. На переменах мог, конечно, и побегать, пошалить.

Особыми способностями, надо сказать, не выделялся. Но ничего плохого моя память о Васе не хранит.

— Учился по-среднему. Чего не было — того не было, — говорит отец, — Николай и Юля — эти лучше шли. Да и мы, честно говоря, особого внимания на их учебу не обращали.

Ведь он домой после школы придет и сразу: «Папа, а мама где?» Да вон, отвечаю, в поле за деревней работают сегодня. Он сумку школьную кладет и — за порог.

— А я его уж издалека замечу, — продолжает Лидия Васильевна, — рослый был, крепкий. Подбежит: «Ну-ка, мама, давай домой, у тебя ведь работы-то сколько!» Меня отправит, а сам останется и работает наравне со взрослыми.

Колхозный бригадир в летнюю страдную пору свой утренний разговор с Большаковыми начинал всегда примерно одинаково: «Велику ли бригаду сегодня на сено-кош пошлешь, Яков Васильевич?» Хозяин смотрел на жену, а потом отвечал: «Да эти двое пускай дома остаются, а остальных забирай».

Зной на нокосе. Солнце палило в голубом небе. Давно уже утренняя роса высохла, овод гудит, в глаза лезет. Но работают еще косари, хоть и рубахи уже потемнели от пота, к натруженным спинам прилипли. А пот еще и глаза стекает, щиплет. А Василий — как будто только косу в руки взял, как будто просто шагает по лугу — не устал совсем. Смеется даже над теми, кто отстает. Ох и здоров парень! Первый косарь среди долматовской молодежи!

ПОСЛЕ школы решил в речное училище поступать. Что его туда толкнуло? Флотских в семье не было. Может рассказов старших товарищей наслушался — «нынче здесь

могли возразить, не стали на своем настаивать — взрослый уж, пусть сам решает.

И ОН решил. После окончания школы мичманов приказом направили снова на Новую Землю. Поехал уже с двумя звездочками, расположеными вдоль черного погона. Там вскоре и с Олей познакомился которую призвала на Крайний Север из теплой Херсонщины та же военная служба.

И была свадьба. И в Долматово приехали молодые. И мати Ольги шепнула Лидии Васильевне: «Гляди-ка, сватыя, какие хорошие деточки у нас с тобой!» Они и впрямь были хороши — рослые, статные, веселые. И

тыре года шла «спрятанная война». Направляли «для оказания международной помощи» то одного, то другого сослуживца. Знал Василий, что и стреляют там не понарошку, и потеряться. Думал ли о том, что и ему придется выполнять суровый приказ?

Из письма Ольги в Долматово:

«Мы надеемся, что Вася вам же сообщил о новом месте службы. Нам, как гром среди ясного неба Василию перемещение, так что и это надо пережить, а ведь нелегко. Как-то все неожиданно».

Самолета внизу можно увидеть красные, синие с оттенками этих цветов горы. И трудно поверить, что среди этой яркой под синим небом весны гуляет смерть.

Может быть, только лютый ветер «афганец», налетающий несколько раз в день и несущий с гор тучи пыли, напоминает о том, что красота этих мест может стать порой и зловещей?

23 МАРТА 1984 года. По пыльной дороге, ведущей к Кабулу, мимо гор развалин кишлаков в низинах, двигалась автоколонна. Пыль из-под колес впереди идущего транспорта закрывала голубое афганское небо.

В кабине автомашины, шедшей в Кабул, мимо гор и строго по инструкции — не закреплено, на боевом взводе. Думали ли они о возможном нападении на колонну? Вспоминали ли о своих близких, оставшихся далеко за синими горами? Молчали? Разговаривали?

На впереди идущих машинах опасности не заметили. А колонну ждали. И ударили из гранатометов вначале по ее голове и хвосту. Машины вспыхнули. Прапорщик Большаков, сидевший крайним у правой дверки, выкатился из кабинки первым и открыл ответный огонь из своего автомата.

А с заранее подготовленных позиций били прицельно, и пять душманских пуль остановили сердце высокого светловолосого русского парня. Василий встретил смерть по-солдатски — в бою, с оружием в руках.

... 1 апреля днем Лидии Васильевне понадобилось зачем-то сходить в баню. Когда возвращалась, ее окликнула почтальонка.

Прочитав телеграмму, мать без сил повалилась в снег.

Домой ее привела соседка...

** *

Он похоронен вдалеке от Долматова Вознесенске, Николаевской области. Рассказывают, что почти весь город вышел на улицы, чтобы проводить солдата в его последний путь.

А в старый дом Якова Васильевича и Лидии Васильевны Большаковых приходят сейчас письма, написанные нетвердым еще детским почерком. Внук пишет, Сережа.

Крепким парнем растет, добрым. В отца.

В. НАВОЛОЦКИЙ

Под небом голубым

завтра там?» Может быть во время весенней навигации по Югу, когда пыхтят вверх по течению в Никольск буксиры и сажоходки, а обратно — прямо лесят налегке, и волны после них в глинистый берег бьют, прямо как морские, может быть, тогда решение созрело?

Так или иначе — поступил в Великоустюгское профтехучилище речников по специальности слесарь-судоремонтник. Ездила мать в Устюг, спрашивала у мастера, как, мол, тут у вас Василий занимается? Нормально, услышала в ответ, если есть у тебя еще сыновья и все такие, то посыпайте к нам.

Во время двух навигаций ходил по архангельской реке Мезени. Лешуконск часто вспоминал. Нравилась ему профессия речника.

— А ему все везде, вроде, хорошо было, — вспоминает Яков Васильевич, — не ленился, не спорил, не дрался даже, только усмехался ходил, если не все ладно что-то у него складывалось.

Призыв в Военно-Морской флот. Служил на Новой Земле. Письма домой приходили спокойные, бодрые. С таким характером военную форму носить не в тягость. А когда срок службы уже к концу близился, родители получили письмо, где сын просил совета: командование предлагало поехать в школу мичманов и остаться на сверхсрочную службу.

Что могли ответить ему отец с матерью? Хотелось, чтобы мой вернулся, но по тону письма увидели, что есть желание у Василия стать профессиональным военным человеком. И как-то приюлизился вдруг Афганистан, где уже че-

Поговаривали, что в Афганистан будут отправлять по прямой замене, но мы думали, что нас это не коснется, так как выслуги у него много, двое детей, причем дочка — до одного года, но...

... Каждый год приезжал теперь Василий в отпуск в родное Долматово. Чем занимался? Как и повелось — работой крестьянской, все больше с топором в руках: дрова заготовить, баньку ли новую срубить, со седке старушке одинокой по хозяйству помочь, — везде старался успеть. Прежним остался — добрым, работающим.

Пришло время, и сына Сережку привез. Любил его без меры. Все свободное время с ним воевался. Пришлось однажды оставить малыша у деда с бабушкой, а самому на службу вернуться. И в первом же письме родителям написал:

«Вот уехал от вас, а кажется, что Сережа и до сих пор сидит у меня на руках и обнимает меня...»

На службе дела шли неплохо. Опять письмо с Новой Земли:

«Папа, можешь меня поздравить, наградили медалью «За безупречную службу» III степени. А я, в свою очередь, поздравляю тебя с Днем Советской Армии.»

А ПОТОМ последовал перевод по службе в Николаевскую область. С холода Баренца на берега теплого Южного Буга. Семья пополнилась, родилась дочка, которую назвали Яной, тихим ласковым именем. Продолжались ратные будни теперь уже прaporщика Большакова. И как-то приюлизился вдруг Афганистан, где уже че-

